

«Философия-ликбез». Встреча №54

«Зомби-этика» Спинозы, анализ формы ощущения и устранение «артефактов» классической этики

Я хочу довести до ума идеи, которые мы начали обсуждать в прошлый раз. Моя цель — показать вам, что этические системы, существовавшие до **Бенедикта Спинозы**, были своего рода случайными артефактами. Этика Спинозы — это целостная картина, которая выглядит принципиально иначе, чем нам кажется на первый взгляд. Для этого нам нужно закрепить две фундаментальные идеи.

Уровень организации / «архитектуры» и психофизический параллелизм

Первая идея касается того, что я называю «уровнем организации» или «уровнем архитектуры». Именно на этом уровне нам следует воспринимать соотношение ментального и физического.

Обычно мы воспринимаем **мышление и тело** как отдельные сущности, которые пытаются найти контакт друг с другом. По традиции, восходящей к идее ментального контроля, мы полагаем, что тело — это нечто примитивное, наполненное животными аффектами и страстями. Мышление же выступает в роли укротителя, который управляет телом и подавляет его порывы.

Возьмем, к примеру, чувство голода. Кто чувствует голод? Интуитивно мы отвечаем: «Конечно, тело». А кто получает удовольствие от аскетической практики, от преодоления голода ради морального принципа? Мы относим это к мышлению, к культуре. Создается схема: тело подвержено ошибкам из-за своих страстей, а мышление вносит коррекцию («Я удержу страсти в повиновении»).

Однако Спиноза вносит здесь радикальную поправку. С чего мы взяли, что чувство голода принадлежит телу? На самом деле, чувство голода — это **переживание**, то есть ментальное состояние или «идея». Я *чувствую*, что испытываю голод. Телу же соответствует не чувство, а физиологический процесс — выделение желудочного сока или расщепление жиров.

И наоборот: когда мы говорим об аскетизме как о продукте чистого мышления, мы забываем, что в процессе формирования этой ментальной конструкции в мозгу образуются новые синапсы и происходит выброс дофамина.

Следовательно, классификация «высшее / низшее» не проходит по границе «мышление / тело». Всё ровно наоборот. И в мышлении, и в теле есть свои уровни организации. Спиноза называет их **«пассивными»** и **«активными»**.

- «Низшая идея» (голод) соответствует пассивному состоянию тела.
- «Высшая идея» (аскетическая практика) соответствует активному состоянию тела.

Между ними существует строгий **психофизический параллелизм**. Ни мышление, ни тело не организованы сложнее другого — они представляют собой параллельные архитектуры. Какими бы сложными ни были состояния нашего мышления, им соответствует не менее сложная организация телесной деятельности.

«Рекурсивное расширение» и рост **Potentia** («Способности к действию»)

Вторая идея касается градации этих состояний. Мы можем выделить множество уровней — скажем, от первого до девятого, — которые различаются степенью активности.

На первом уровне располагаются наиболее пассивные состояния. Возьмем для примера камень. Пока его не пнешь, он не полетит. Это максимально низшая, пассивная форма, требующая внешней силы для изменения.

Переход на второй уровень — например, к растению — подразумевает вспышку активности. Растение обладает большей **Potentia** (лат. «сила / мощь», «способность к действию»), чем камень. В чем разница? Растение способно к фотосинтезу: оно воспринимает воздействие, перерабатывает его и включает в свою собственную реакцию.

Этот механизм я называл «**рекурсивным расширением**» Субстанции (или, в терминах Спинозы, «выражением» / “expressio”). Более активное состояние означает, что существо усваивает воздействие среды, перерабатывает его и выдает ответную реакцию уже с учетом этого воздействия, усложняя свою внутреннюю структуру.

Может быть, камень тоже активен, просто мы не видим этого в нашем масштабе времени (горы растут, песок образуется)? Но суть не просто в изменении, а именно в **механизме рекурсии**. Камень может стать инструментом для человека или средой для мха, но сам по себе он не перестраивает свою структуру в ответ на стимул так, как это делает бактерия или животное. «Органический уровень» — это более сложная организация того же неорганического материала, но которая заставляет среду копировать себя.

С каждым переходом (от растения к животному и далее) возрастает уровень мощи / силы и появляется «новая степень свободы». Животное активнее растения, потому что его адаптация и реакции происходят быстрее и сложнее.

От «абстрактного» к «адекватному» познанию: реконструкция причины

Где на этой схеме находимся мы с вами, вся человеческая культура? Мы «запиханы» на условный четвертый уровень. Это уровень **абстрактного познания**. В устах Спинозы это не комплимент. «Абстрактное познание» — это искреннее заблуждение, что познает только мышление, а тело лишь пассивно исполняет инструкции. Нам кажется, что мысль первична, а тело — инертный придаток.

Ключевой переход случается на условном пятом уровне. Здесь мы входим в совершенно иной режим — режим **адекватного познания** (лат. **adaequatio** — уравнивание, соответствие).

На этом уровне:

1. Мы перестаем считать тело подчиненным и глупым.
2. Устанавливается симметрия: познают оба — и мышление, и тело.
3. Мышление формирует **идеи**, тело совершает **действия**, и эти процессы жестко связаны.

Мы усваиваем принцип перехода от пассивного состояния к активному. У нас больше нет «чистой идеи», которая пришла в голову сама по себе. Наше познание завязано на том, что творит тело. Мы занимаемся **реконструкцией причины**, под влиянием которой произошло действие тела. До этого уровня — уровня осознания необходимости действий собственного тела — мы, как человечество, в массе своей еще не дорошли.

Представьте ситуацию: вы лишены зрения, находитесь в темноте. На вас оказывается воздействие. Пока вы просто реагируете — отскакиваете от удара или поддаетесь давлению, — вы находитесь в пассивном состоянии. Вы инертны.

Метаморфоза происходит, когда вы начинаете использовать свое ощущение не просто как боль или давление, а как **источник информации**. Каждое ощущение обладает **собственным содержанием**. Удар бутылкой и удар битой — это разные ощущения с разной «информационной нагрузкой».

Анализируя содержание ощущения, мы реконструируем форму того, что на нас воздействовало. Мы начинаем «видеть» причину, даже не используя глаза. Слепые конфигурируют пространство именно так. Мы рождаемся в состоянии «слепоты»: младенец воспринимает лишь сенсорный хаос, пятна, мглу. «Предметный мир» — столы, чашки, молоко — появляется не сразу. Он прступает сквозь туман вследствие многочисленных итераций рекурсивного механизма реконструкции причины.

Здесь часто спрашивают: «А не субъективна ли эта реконструкция? Почему мы все видим предметы одинаково?» С точки зрения Спинозы, в этом нет противоречия. Материальный мир существует независимо от нас (в отличие от представлений Лейбница или Беркли), и наши тела, будучи подобно организованными, реконструируют его схожим образом. Мы достигаем **точки достоверного знания**, когда наше мышление работает синхронно («адекватно») с действием тела.

Спиноза против Юма: Форма как вторжение Иного

В чем принципиальное отличие подхода Спинозы от эмпириков, таких как **Дэвид Юм**?

Юм сказал бы: «Что такое предмет, например, черный маркер? Это просто пучок впечатлений (bundle of impressions). Он черный, цилиндрический, легкий, пахнет спиртом. Мы привыкли, что эти впечатления приходят вместе, и в силу принципа ассоциации скомбинировали их в фикцию, которую называем предметом».

Спиноза (в нашей интерпретации) возражает. Внутри впечатления содержится нечто, что самим впечатлением не является. Это **Форма**.

«Форма» — это не просто пятое свойство в ряду «черный, легкий, пахнущий». Это нечто принципиально иное. Юм и эмпирики воспринимают ощущения с точки зрения их **содержания**. Спиноза же указывает, что в ощущение вторгается **иностраный элемент**.

Что же такое «форма»? Верна мысль, что форма — это **выделение границы**. Это своего рода **дополнительное измерение**, сосуд, в который помещаются все сенсорные данные.

Важнейший тезис: **Форма не принадлежит ощущению**.

Это звучит парадоксально, но давайте разберем. Если я закрою глаза и проведу рукой по столу, я получу набор тактильных данных. Если я изменю угол или скорость, данные останутся теми же (тот же запах, та же шероховатость), но в этот «букет» свойств вторгнется нечто новое — например, угол или искривление.

У меня сохраняется тот же «пакет» сенсорных данных, но он искажается, деформируется. Появляется «трещина». Это искажение и есть след формы.

«Форма» — это не сенсорика. Это **механизм**, «мета-свойство» или правило, по которому организуются остальные свойства. Мы не видим форму глазами так же, как видим цвет (который есть просто длина волны). «Форма» — это результат реконструкции, производимой нашим мозгом («умом»).

Это не значит, что «форма» — это иллюзия или фантом. Наоборот, это единственное достоверное в нашем восприятии. Наши органы чувств могут нас обманывать (миражи, дальтонизм, особенности сетчатки), но факт того, что в поток ощущений **вторгается нечто, организующее их в замкнутый контур**, — достоверен.

Три уровня достоверности: эмпиризм, Лейбниц, Спиноза

Подводя итог, можно выстроить иерархию философской достоверности:

1. **Эмпирики (Юм, Локк):** Достоверен сам факт ощущения. «Я что-то чувствую» — это база, даже если это галлюцинация.
2. **Готфрид Лейбниц:** Достоверно то, что ощущения можно анализировать — декомпозировать, сжимать-расширять, отключать (как в глубоком сне). За ощущениями стоят монады.
3. **Бенедикт Спиноза:** Самое достоверное — это наличие в ощущении того, что ощущением не является. Того, что чуждо ему, что является его **искажением** или **искривлением**. Это и есть Форма.

Существует редкое заболевание — **агнозия визуальной формы** (лат. *Agnosia* — неузнавание), часто возникающая при поражении затылочной коры. Люди с этим диагнозом видят мир как набор чистых сенсорных данных, хаос пятен и света, но не могут собрать их в предмет. У них сломан механизм реконструкции формы. Это доказывает, что «форма» — не очевидная данность, а результат сложной работы, которую мы обычно не замечаем.

«Форма» — это замкнутый контур, интеграция, область, которая позволяет нам выделить предмет из фона. И осознание того, что форма — это продукт реконструкции причины, а не просто еще одно «качество» вещи, переводит нас на уровень адекватного познания.

Механизм реконструкции: Форма как насилие над перцепцией

Представьте ситуацию: человека бьют. На что он обращает внимание в первую очередь, чтобы перейти от пассивного страдания к активному действию? Главное в его ощущении — это форма предмета. Границы, угол, твердость. Форма бутылки отличается от формы биты. Когда мы начинаем реконструировать воздействие на нас, мы воссоздаем не просто набор сенсорных данных, а **целостные объекты**.

Что значит «воссоздать целостный объект»? Это значит определить его **границы**, которые складываются в замкнутый контур. Это важнейшая информация. Чтобы выстроить стратегию поведения, нам нужно создать карту пространства и наметить траекторию движения. Нам нужно знать, где пройти *между* объектами.

Вспомните ощущение габаритов машины при вождении. Опытный водитель, лавирующий в потоке, не просто видит пятна цвета, он чувствует форму и границы, чтобы вписаться в пространство. Именно понимание формы позволяет нам выстраивать активную траекторию движения.

Являются ли остальные ощущения «дискретными», а форма — «интегральной»? Да. Сенсорные данные (цвет, запах) — это «сырой» материал. «Форма» же — это то, что позволяет нам воспринимать предмет полностью. Она является определяющей для нашей активности. С одной стороны, у нас есть сенсорика, способная воспринимать цвета и звуки. С другой стороны, «форма» — это нечто, что как будто бы не предусмотрено нашей сенсорикой напрямую. Откуда она берется?

Форма вторгается не через наш субъективный перцептивный аппарат. Она — словно **насилие над ним**. Это дополнительное измерение, которое «распарывает» нашу перцепцию изнутри, как острый угол распарывает ткань. Хорошим примером служит иллюзия — **треугольник Каницы**. Мы видим треугольник, видим форму, хотя никакого содержания (линий или цвета, отличающегося от фона) там нет. Это чистое явление формы без сенсорного наполнения.

Для нашей активности форма является базовой, потому что она позволяет определить границы и пройти *между* ними. Возможно, именно поэтому наш глаз как орган не чувствует боли или холода непосредственно — если бы он был занят тактильными ощущениями, мы были бы заперты в границах телесности и не смогли бы ухватывать формы удаленных предметов.

Рискованная аналогия: Спиноза и Эйнштейн

Теперь я хочу поделиться идеей, которая может показаться рискованной, но мимо которой невозможно пройти. Когда мы анализируем соотношение формы и содержания у Спинозы, мы видим **два эквивалентных выражения реальности**. С одной стороны, есть содержание (физические характеристики), с другой — форма, которая это содержание интегрирует.

Это удивительным образом напоминает структуру **Общей теории относительности** (ОТО) Альберта Эйнштейна. Взглянем на уравнение Эйнштейна (в упрощенном, концептуальном понимании). В левой части уравнения стоит тензор, описывающий **геометрию (топологию) пространства-времени**. В правой части — **тензор энергии-импульса**, описывающий распределение материи, энергии, давления и так далее.

В ньютоновской физике «пространство» — это абсолютный, статичный фон, «сцена», на которой разворачиваются события. В такой картине форма вещи — это просто её «паспорт», одно из других физических свойств. Но у Эйнштейна, как и в интуиции Спинозы, всё иначе.

Обычно ОТО объясняют на примере резинового полотна, на которое кладут тяжелый шар, и он искривляет поверхность. Это не совсем корректная аналогия, потому что она предполагает, что у шара уже есть форма *до* того, как он попал в пространство. Но идея в том, что физические параметры (масса, энергия) сами по себе **не имеют формы отдельно от топологии**. Они выражаются *через* определенную топологию.

Как говорил физик Джон Уилер: «Материя говорит пространству, как искривляться, а пространство говорит материю, как двигаться». Они взаимоэквивалентны и определяют друг друга. У них «круговое» определение.

И вот параллель со Спинозой:

1. **Содержание** (сенсорные данные) зависит от устройства перцепции наблюдателя. В зависимости от того, как мы движемся и кто мы (люди или иные существа), мы будем воспринимать содержание по-разному.
2. **Форма** — это тот самый «компас», ориентир, который не сводится к субъективной перцепции, поскольку существует *объективная, не зависящая от наблюдателя* геометрическая структура пространства-времени. Хотя каждый конкретный наблюдатель видит лишь её «срез» (свою систему отсчета), сама эта структура едина. Мы можем описать её на языке математики (задать метрический тензор, координаты), и тогда рассчитать что именно увидит любой наблюдатель в любой точке. Это выражение единой **Субстанции**.

Субстанция Спинозы имманентно выражает себя в конкретных телах именно через форму. Она отсылает к тому единственному, что остается реальным и устойчивым за пределами наших изменчивых ощущений. То, что Спиноза почувствовал в XVII веке — что форма несводима к остальным физическим свойствам и стоит как бы «по другую сторону уравнения» — находит свое неожиданное подтверждение в современной фундаментальной физике.

Свобода как Осознанная Необходимость: раскол между Мышлением и Протяжением

Наша главная этическая задача по Спинозе — это достижение **Beatitudo** (лат. — блаженства). И здесь мы неизбежно приходим к понятию свободы. Однако понимание свободы у Спинозы радикально отличается от привычного нам.

Обычно под свободой понимают нечто негативное: отсутствие принуждения, отсутствие внешнего воздействия. «Я свободен, когда меня никто не принуждает». У Спинозы же свобода — понятие позитивное. Он выводит знаменитую и, на первый взгляд, парадоксальную формулу:

Libertas (Свобода) = Necessitas (Необходимость)

Многим эта фраза кажется оксюмороном или красивой игрой слов. «Свобода — это осознанная необходимость». Но что это значит на самом деле? Чтобы понять это, нужно вспомнить ключевое отличие системы Спинозы от всех остальных, включая Лейбница.

В системе Спинозы атрибуты **Мышления** (*Cogitatio*) и **Протяжения** (*Extensio*, то есть тела) независимы. Между ними существует фундаментальный **раскол**. Я называю это «Зомби-этикой». Почему? Потому что тело в этой системе — это «зомби». Оно действует по своим законам, автономно от мышления, и не обладает ментальным переживанием. Мысление не может заставить тело двигаться, а тело не может заставить мышление думать. Казалось бы, это ловушка, страшная картина, где мы заперты в наблюдателе, пока тело творит что хочет. Но именно этот раскол, эта **дистанция** между мыслию и действием, становится ключом к нашей свободе.

«Цикл» Тревоги и Вины и использование Дистанции

Давайте рассмотрим цикл человеческого действия в наивном, «до-спинозистском» состоянии.

1. **Actio** (Действие). Мы ставим себе **Цель** и пытаемся совершить действие, полагая, что это наш свободный выбор.
2. На пути к цели возникает **Necessitas** (Необходимость) — препятствие, фатум, то, что «нельзя обойти».
3. Здесь рождается специфическое переживание — тараχή / тарахэ (греч. — **Тревога**). Мы тревожимся, что не достигнем блага, или, достигнув, потеряем его. Это фундаментальная проблема античной этики.
4. Далее включается **Cognitio** (Познание / Осознание). Мы оцениваем свой провал или успех. Мы спрашиваем: «А правильно ли я поступил? Праведная ли была цель?».
5. Здесь рождается вторая проблема, уже свойственная монотеизму, — ὀφεῖλημα / офейлима (греч. - **Вина**).

Тревога и Вина находятся в амбивалентной связи. Если я виню себя, я снимаю тревогу («я контролирую ситуацию, просто я плохой»). Если я отбрасываю вину, я остаюсь один на один с непредсказуемым фатумом и снова испытываю тревогу.

Спиноза говорит: и Тревога, и Вина — это не реальные проблемы, а **«артефакты» неправильного понимания**. Они возникают только потому, что мы верим, будто наше мышление управляет телом.

Как только мы переходим в режим **adaequatio** («адекватного познания»), мы обнаруживаем **дистанцию**. Мы понимаем: **действия совершают тело, а не я (мышление)**. Тело не может тревожиться, оно просто действует согласно законам природы. Мысление не может действовать физически, оно может только понимать.

В тот момент, когда мы стираем «стрелку» причинности от «Я» к «Телу», проблема исчезает. Я как мысление беру попкорн, сажусь перед экраном и смотрю кино про свое тело: «Ух ты! Что оно сейчас вытворит!».

Свобода по Спинозе — это осознание того, что цели, к которым стремится тело (*Actio*), и из-за которых мы тревожимся, на самом деле не являются целями мышления. Здесь требуется ментальная операция разделения: «**Цели тела — не мои цели**».

На этапе **оценки своего действия** (*Cognitio*) мы часто пытаемся навязать телу свои ментальные конструкты: «Будьдержаным», «Не будь алчным». Мы испытываем вину, когда тело не слушается. И тогда переворачиваем эту формулу: «**Мои цели — не цели тела**».

Строгое разделение функций:

- **Actio** отдается телу. Оно совершает адекватное действие в силу своей природы.
- **Cognitio** остается мышлению. Это и есть наше **Beatitude** — блаженство познания.

Мышление (*Cognitio*) и Действие (*Actio*) — это танец двух партнеров, которые не касаются друг друга, но движутся синхронно в едином цикле выражения («рекурсивного расширения») Субстанции. Осознавая необходимость действий тела (почему оно поступило так, а не иначе), мы избавляемся от Тревоги, а понимая, что это не наш «грешный» выбор, а законы природы, — от Вины.

Свобода — это **осознанная** необходимость. Осознанность — это и есть та самая дистанция. Именно наличие зазора между наблюдающим «Я» и действующим механизмом тела делает нас свободными от аффектов страха, боли и раскаяния.

Чтобы лучше понять эту пугающую, но освобождающую мысль, я даю вам домашнее задание: посмотрите (или пересмотрите) фильм **«Бойцовский клуб»**. Мы обсудим его в следующий раз именно в контексте этого вопроса: кто действует, кто наблюдает, и где здесь свобода.